
Ты не спрячешься
Сесилия Суарез
18+

Сесилия Суарез

Ты не спрячешься

«Автор»
2026

Суарез С.

Ты не спрячешься / С. Суарез — «Автор», 2026

Она мечтала о тихой жизни с книгами и печеньем. Но один случайный поцелуй в переулке обернулся кровавой бойней. Он — бывший оперативник, скрывающийся под личиной обычного парня. Она — женщина, ради которой он готов убивать снова. Их союз — опасная игра без правил. Но отступать некуда. Враг у ворот.

© Суарез С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Лёха 5
Глава 1. Уютный шкаф 9
ГЛАВА 2. Таинственный незнакомец 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Сесилия Суарез
Ты не спрячешься

Лёха

Склад пахнет деньгами. И смертью.

Тяжёлый, маслянистый запах налички и тошнотворный запах железа от крови на полу, которую так никто и не смыл. От одного ее вида и запаха все органы скручиваются в узел и хочется блевать. Наличку пересчитывали три часа, складывали в пачки, перетягивали резинками. Теперь она лежит на столе ровными блоками в трех пластиковых кейсах. Напротив — такие же кейсы, но с товаром. Белый. Чистый. Восемьдесят процентов.

Михаил сидит за столом, руки скрещены на груди, лицо спокойное. Внутри — холод, который он научился включать по щелчку. Он здесь не для того, чтобы кого-то арестовывать. Он здесь, чтобы смотреть. Слушать. Запоминать.

Лёха. Это имя он носит два года. Лёха водитель, грузчик, доверенное лицо. Татуху пришлось набить на предплечье — череп со змеей, проползающей сквозь пустые глазницы, но кличку не получил — значит, не свой до конца. Но близко. Достаточно близко, чтобы сидеть сейчас здесь, пока братки делят территории и сбрасывают по-крупному.

Клык — хозяин склада, здоровый мужик с бритой башкой и золотой фиксой во рту — сидит во главе стола. Глаза маленькие, свинячьи, но цепкие. Он смотрит на гостя из Москвы. Тот в темном пальто, в белых кроссовках, сразу видно, не здешний.

— Качество, — говорит москвич, кивая на кейсы. — Твоё качество в прошлый раз подкачало.

— В прошлый раз была пробная партия, — Клык улыбается. — Сейчас — проверяй.

Москвич кивает своему — молодому, с тряпкой на шее, похожему на мексиканца, с татухой на лбу. Мексиканец достаёт пробник, сыплет на зеркальце, добавляет реагент из пузырька. Жёлтый. Зелёный. Синий.

— Чистый, — говорит Мексиканец.

Москвич кивает. Достаёт из кармана кожаного пальто телефон, коротко печатает. Сделка состоялась. Кейсы меняются местами. Деньги переходят к Клыку. Товар — к москвичу. Клык довольно трёт ладони. Плащ с кейсами удаляется.

И в этот момент Лёха понимает, что всё кончено. Для него всё кончено.

Клык кивает на стакан с чаем. Клык никогда не пьет чай. Клык пьет виски с содовой в количествах, несовместимых с жизнью обычного человека. Но сегодня перед ним стоит пластиковый стаканчик с мятным пакетиком.

Клык пододвигает стаканчик к Лёхе.

— Лёх, ты че не пьёшь? — Клык улыбается, но улыбка не доходит до глаз.

— Не хочу, — отвечает Лёха. Голос ровный. Руки на столе спокойно сцеплены в замок.

— А зря. Чай хороший. Нервы успокаивает.

— Лучше выйду покурить, — бросает Лёха.

— Кури здесь, — Клык не спрашивает, приказывает.

Бровь Лёхи медленно ползет вверх.

— Чего это вдруг?

— Правила поменялись.

Лёха улыбается расслабленно, ведет лениво плечом.

— Лады, курю здесь.

Достает пачку «Беломора», закуривает, выпускает белый дым в потолок. Смотрит на Клыка. Взгляд спокойный, как у следователя на допросе.

Восемь лет в органах, два года под прикрытием. Он видел такие взгляды. Обычно после них — лицом в пол, ты окружён. Но сейчас за ним никто не придёт. Его сдали. Свои же. В Москве в кабинетах с кожаными креслами кто-то подписал ему приговор. Потому что Клык не стал бы действовать без стопроцентной наводки.

Неважно.

Важно — выжить.

Внутри холод срывается в ледяной ком. Он не знает, кто его сдал. Не знает, когда они поняли. Знает только одно: стакан с чаем стоит перед ним, Клык на него смотрит, и в глазах у Клыка нет жизни. Вообще нет. Только любопытство — как крыса будет биться в агонии.

Внутри включается секундомер, который щёлкает делениями: «три — два — один». Рука скользит под куртку. «Стечкин» выходит из кобуры бесшумно — на тренировках он добивался этого звука тысячу раз.

Ствол уходит вверх, в сторону лампы под потолком. Клык успевает только раскрыть рот.

Выстрел.

Лампа взрывается осколками, комната резко погружается в темноту. Осколки сыплются на стол, на пол, в чай.

Клык орет, но куда-то в сторону — успел откатиться. Сзади — крик: «Держи его! Сука, держи!»

Лёха стреляет, целясь по памяти. Судя по звуку, пуля вошла кому-то в плечо. Второй стоял слева у стены, сейчас выдохнул, и этого выдоха хватило для выстрела. Вскрик. Глухой удар.

Лёха уже у стены, крадется, не дыша. Выстрел. Пуля проносится мимо, вонзается в косяк над ухом.

Дверь вылетает от удара ногой. Коридор — чёрный, длинный, в конце тускло светится зеленым табличка «ЗАПАСНОЙ ВЫХОД». Сзади орут, стреляют. Пуля чиркает по стене справа. Лёха стреляет назад, не глядя, наотмашь. Нашаривает на поясе запасную обойму. Вытаскивает, быстро перезаряжает, не сбавляя темпа. Ноги несут быстрее мыслей.

Выбегает на рампу. Ледяной воздух пронизывает легкие в ту же секунду. Три метра вниз — бетон. Плевать. Прыгает, не думая. Приземляется на ноги, но колено не выдерживает — подворачивается, он падает, катится, вскакивает. Боль — дикая, обжигающая. Бегом к забору, прихрамывая.

Забор. Два метра сетки. Он подлетает, цепляется, перекидывает тело, падает в сугроб. Снег забивается в рот, в глаза, за шиворот.

Короткая передышка — три секунды. Не дышит. Сзади — крики, топот. Никто не лезет через забор.

Встаёт. Ныряет быстро в переулок.

Арка. Ещё переулок.

Потом — квартал.

Сначала идет быстрым шагом, потом бегом, потом снова быстрым шагом. Петляет, как заяц, ныряет в подворотни, перепрыгивает через гаражи. Сердце колотится так, что кажется его слышно за три улицы.

Машина. Серая «Лада», грязная, незаметная. Он подбегает, открывает дверь, падает на сиденье. Руки трясутся — Лёха сжимает руль, заставляя себя замереть.

Три секунды. Дыши.

Выдох. Вдох.

Заводит. Двигатель оживает, он выжимает газ, вылетает с парковки. В зеркале заднего вида — никого.

Екатеринбург спит. Фонари размазываются в мокрые полосы. Он гонит по пустым улицам, срезая через дворы, объезжая ямы. Снег валит хлопьями — дворники едва справляются.

Не включал фары первые метров триста. Правило — кто ищет, ищет свет. Включил, когда вылетел на трассу.

До аэропорта — двадцать минут. Домчал за семь.

На парковке Кольцово заглушил двигатель.

Секунду сидел, глядя в лобовое. Снег падает на стекло, тает, стекает дорожками. Как слёзы.

Выходит из машины. Ключи оставляет в замке зажигания. Пистолет — под сиденьем, в кобуре. Пусть найдёт кто-нибудь.

Телефон вдребезги летит об асфальт, сим-карту вытаскивает, переламывает, выбрасывает в урну.

Всё, что у него есть сейчас — паспорт. И чуть больше двадцати тысяч рублей в кармане куртки. Остальное осталось там. На складе. В прошлой жизни.

Он заходит в здание аэропорта. Обычный мужчина в серой куртке, с уставшими глазами. Ничем не примечательный. Таких тысячи. Табло рейсов горит белым. Он подходит к автомату, тыкает наугад — Москва, Питер, Казань. Опасно. Выбирает ближайший рейс. Через час, до Перми. Билет в один конец. Дальше разберётся.

Карта — на новую фамилию. Как и паспорт. Кравцов Максим. На фото — чисто выбритый, без бороды. У него сейчас борода густая, тёмная. Не похож.

Регистрация проходит без вопросов. Девушка за стойкой смотрит на него, на фото, снова на него.

— Просто побриться надо. Фото старое.

Она кивает, отдает паспорт.

Выход на посадку — через полчаса. Он идёт в дьюти-фри. Берёт пену для бритья, одноразовую бритву, самый дешевый телефон, симку. Платит наличными.

Туалет в дальней части зала вылета. Он заходит в кабинку, закрывается. Смотрит в зеркало.

Смотрит и не узнаёт себя. Глаза — пустые, мёртвые. Борода лохматая. Руки дрожат мелкой дрожью. Адреналин ещё не вышел, будет держать ещё час, потом отпустит — и тогда накроет.

Он включает воду. Ледяную. Льёт на лицо, на шею, на руки, пока не начинает колоть. Потом — пена. Вспенил, нанёс. Бритва дешёвая тупая дерёт кожу. Он бреется быстро, полосами, сдирая щетину. Капельки крови выступают на подбородке, на щеках. Он смывает их водой.

В зеркале уже гладкий. Молодой. Чистый.

Максим Кравцов. Тридцать пять лет. В аэропорту, потому что захотел в отпуск. В Пермь. Погулять, посмотреть на природу.

Он выбрасывает бритву в урну. Пену — туда же. Прячет руки в карманы, передёргивает плечами — куртка тонковата для зимы. Ничего. Купит новую.

Посадка.

Он идёт по трапу, садится у иллюминатора, пристёгивается. Рядом — женщина с ребёнком, ребёнок плачет. Максим закрывает глаза.

Ничего этого больше нет. Повторяет как мантру. Ни пистолета под сиденьем. Ни виски на столе в кабинете. Ни кейсов с порошком, который убивает людей тысячами. Ни Клыка с его чаем. Просто белый шум турбин. И снег за стеклом.

Он летит туда, где никто его не знает. Где нет оперативных сводок, нет легенд, нет опасности каждую секунду быть раскрытым. Самолёт отрывается от земли.

Максим Кравцов летит в новую жизнь. Пустую. Чистую.

И впервые за два года он не знает, что будет завтра. Это страшно.
Но он улыбается.
Потому что он жив. А всё остальное — не важно.

Глава 1. Уютный шкаф

Алиса

Понедельники следовало запретить на законодательном уровне.

Я стояла в своей кухне, смотрела, как течёт кран, и думала, что если бы моя жизнь была романом, то читатели уже бросили бы его на первой странице. Слишком много воды. Буквально. Кап-кап-кап — в такт моему пульсу, который отбивал ритм «ты-од-на-ты-од-на».

Вода капала ровно месяц. С того самого дня, как мой бывший муж (мысленно я всегда добавляла «бывший» с особым удовольствием) собрал чемодан, поцеловал меня в щёку и укатил в закат со своей секретаршей. С тех пор на мой дом словно кто-то наслал проклятие. Кран не переставая подтекал. Стиральная машина сломалась. Дверь в подсобку перекосило. Даже тостер начал выплёвывать хлеб с видом «в следующий раз спалю в угли».

Я взбила тесто для печенья — единственное, что у меня получалось безупречно, и поставила противень в духовку. Руки привычно потянулись к волосам. Две косички. Русые, с выбившимися прядями, которые не слушались даже после тонны лака. Почему косички? Потому что, когда муж ушёл, я дала себе слово: делать каждое утро что-то, что радовало бы меня. И косички радовали. Они делали меня похожей на ту девчонку, которая верила в счастливый конец до того, как узнала, что хэппи энды случаются только в кино до титров.

Я глянула в зеркало над мойкой. Веснушки. Усталые глаза. И огромные круги под ними, будто я не спала неделю. Впрочем, так оно и было.

— Ты прекрасна, — сказала я своему отражению.

Отражение выразительно промолчало.

Я спустилась в магазин. Деревянная лестница скрипела, как старый ворчливый дед. Мой «Уютный шкаф» — две комнатки и ванная на втором этаже, кухня и небольшой уютный книжный магазинчик на первом. В книжный я постаралась вдохнуть жизнь. Открыла входную дверь, впуская холодный утренний воздух. Дождь. Конечно, дождь. В нашем городе он шёл девять месяцев в году, а в остальные три просто менял направление.

Я зажгла тёплый, жёлтый свет, за которым стояли лампы с низким напряжением, купленные на распродаже. Расставила кружки на прилавке. Налила себе мятный чай — чёрный пить не могла, потому что муж пил только чёрный, и его пачка всё ещё стояла в шкафу, как издевательство. Но выкинуть руки не доходили.

Печенье в духовке зарумянилось, запах корицы поплыл по всему дому. Я достала противень, переложила печенье на решётку и уставилась в окно.

Дождь стучал по стеклу, стекая ручейками.

Дверь открылась. Колокольчик, купленный на блошином рынке издал жалобный звон. Я обернулась.

На пороге стоял Он.

Высокий. Очень высокий. Я всегда считала себя не маленькой, но перед ним почувствовала себя лилипуткой. Широкие плечи облегал мягкий свитер цвета мокрого песка — такой фактурный, что пальцам нестерпимо захотелось проверить, какой он на ощупь. Шерсть? Кашемир? Что-то уютное и мягкое. Серые брюки, идеально сидящие с острыми отутюженными складками спереди. Туфли чёрные, кожаные. И очки. Круглые, в тонкой металлической оправе, с бликующими стёклами. Такие носят герои венских опер, профессоры филологии и мужчины, которые умеют хранить тайны. В руке сжимал куртку, с которой стекала вода, образовывая небольшую лужицу на полу.

Он улыбнулся. Но как будто он улыбался не мне, а своим мыслям. Губы — чётко очерченные, верхняя чуть тоньше нижней — разомкнулись ровно настолько, чтобы я увидела ровные белые зубы.

— Здравствуйте, — сказал он.

Голос. О Боже, его голос... Низкий, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который много курил, но бросил. Или не бросал, а просто голос такой от природы — обволакивающий, тёплый, как тёмный шоколад, который тает во рту.

Я поняла, что стою с открытым ртом.

— Здравствуйте, — ответила я, мысленно отвешивая себе пощёчину. — Добро пожаловать в «Уютный шкаф». У нас сегодня печенье с корицей, мятный чай и полное отсутствие покупателей. Присаживайтесь куда угодно, только не на детективы — они шаткие.

Он огляделся медленно, внимательно, чуть поворачивая голову. Я проследила за его взглядом: полки, столики, кожаный диван с продавленной подушкой, фикус в углу. Взгляд вернулся и задержался на моих косичках на секунду дольше, чем следовало.

— У вас очень уютно, — произнёс он.

И эти слова прозвучали так, будто он заглянул мне в душу и похвалил порядок.

— Спасибо, — я нервно поправила кружку на прилавке.

Он подошёл к прилавку. Теперь между нами было меньше метра. Я чувствовала запах дождя на его одежде, смешанный с чем-то ещё — табаком, вишней и деревом? Какой приятный запах. Я постаралась незаметно носом втянуть его поглубже.

— У вас есть вакансия? — спросил он.

Я моргнула.

— Вакансия?

— Я только что переехал в город. Ищу работу. Тихий книжный магазин — это то, что нужно для новой жизни. А на дверях написано: «Требуется помощник».

Я прищурилась. Мой взгляд прошёлся по его свитеру, идеальным брюкам, очкам. Всё в нём кричало: «Я не отсюда». Или: «Я здесь случайно». Или: «Я сбежал от чего-то темного».

— Вы похожи на человека, который привык к чему-то другому. К конференц-залам, кофеваркам с двойным эспрессо и секретаршам в юбках-карандашах.

— Я привыкаю ко всему, — ответил он спокойно.

— Послушайте, как Вас зовут?

— Максим.

— Максим, — повторила я, пробуя имя на вкус. — Я не могу платить много, как видите, торговля идет не бойко. Вы будете расставлять книги, вытирать пыль, подавать кофе и слушать, как я жалуюсь на жизнь. Кстати, я Алиса.

Протянула ему руку.

— Справлюсь, Алиса, — он легко пожал мою руку, глядя в глаза, и не спешил отпускать. От этого мысли мои сбились в кучу, налетая друг на друга, а сердце сделало сальто. — И ещё я могу починить кран.

Я поперхнулась воздухом.

— Кран?

— Ваш кран очень громко капает. И, видимо, дверь в подсобку не закрывается — Вы подпёрли её детективами. Неправильно. Нужны энциклопедии. Они тяжелее.

Он улыбнулся. Но все равно мне стало не по себе.

— Я наблюдательный.

— Это жутко.

— Это практично.

Он улыбнулся снова, чуть шире, и я заметила, как в уголках его глаз появились мелкие морщинки. И что глаза у него синие, с зелеными крапинками, как у сибирской кошки, которая смотрит на мышь и решает, съесть или поиграть.

Я не мышь. Я точно не мышь. Но почему-то мне захотелось, чтобы он поиграл со мной.

— Ладно, — сказала я, сдаваясь. — Вы наняты. Испытательный срок — неделя. Если Вы окажетесь маньяком, я позвоню в полицию. Или прикопаю во дворе. У меня есть детективы Агаты Кристи. Я знаю, как заметать следы.

— Договорились, — он кивнул. — Когда приступать?

— Да хоть прямо сейчас.

Я вышла из-за прилавка и пошла показывать магазин. Он шёл за мной тихо, почти бесшумно. Я рассказывала про жанры, стеллажи, постоянных покупателей, про то, что фикус не поливать слишком часто, иначе загнётся. Он слушал, изредка задавая вопросы. Когда мы дошли до подсобки, дверь, как обычно, стояла нараспашку, подпёртая стопкой книг.

— Видите? — вздохнула я. — Ещё одна моя победа.

Он подошёл, отодвинул стопку, надавил на дверь плечом, что-то щелкнуло и дверь, о, чудо, закрылась.

— Как?! — выдохнула я.

— Обычный перекос. Я выровнял.

— Вы только что починили то, с чем я билась две недели.

— Теперь очередь крана?

Я вдруг осознала, что он выше меня на голову, и его плечи занимают весь дверной проём.

— Показывайте , — сказал он.

Кухня была крошечной — я всегда говорила, что живу в камбузе. Два шага от плиты до мойки, поворот, холодильник, столик у окна. И он — втиснувшийся сюда, как слон в посудную лавку. Его плечо почти касалось моего, и я чувствовала жар, исходящий от его тела.

— Где ключ? — спросил он.

— Какой ключ?

— Разводной.

— Я не знаю, что это.

Он вздохнул, заглянул в ящики, нашёл старые плоскогубцы, отвёртку с облезлой ручкой.

— Сгодится, — сказал он и нырнул головой под мойку.

Я замерла в дверях, скрестив руки на груди. Смотрела, как он откручивает гайки, как двигаются его длинные пальцы — быстро, уверенно, без лишних движений. Когда он потянулся, свитер задирался, и я увидела полоску голой кожи. Я смотрела на эту полоску так пристально, будто там был написан ответ на главный вопрос жизни.

— Вы смотрите, — сказал он, не вылезая из темноты мойки.

— Я контролирую качество работ.

— И как качество?

— Пока удовлетворительное.

Он хмыкнул. Пальцы продолжали крутить гайки, но я заметила, как напряглись его мышцы под свитером. Он знал, что я смотрю. И, кажется, ему это нравилось.

Через пять минут кран замолчал.

— Готово, — он встал, вытер руки о тряпку, висевшую на духовке. — Что ещё?

— Стиральная машина рычит. Как бизон в период гона.

— Посмотрю вечером.

— Вы всегда такой полезный?

Он смотрел на меня с ухмылкой, от чего у меня перехватило дыхание.

— У вас есть где жить? — спросила я, сама не зная, зачем это говорю. — Я имею в виду наверху есть комната. Пустая. Я думала сделать там детскую, но муж ушёл, и теперь это просто комната с голубыми стенами.

Он молчал. И я затараторила дальше, как заведённая.

— Там нет кровати, только стеллаж, но я закажу кровать завтра. И окно выходит во двор, так что тихо.

— Алиса, Вы предлагаете незнакомцу жить в вашем доме?

— Вы починили кран, и я знаю, что Вас зовут Максим, — сказала я, как будто этого было достаточно. И, чёрт возьми, мне реально показалось, что этого сейчас было достаточно. — И дверь починили. К тому же печенье ещё не попробовали.

Он улыбнулся. Меня будто ударили прямо в солнечное сплетение.

— Я остаюсь, — сказал он.

Мы поднялись наверх. Лестница скрипела, но его шагов я почти не слышала. Половицы скрипки только подо мной, будто нарочно, я даже втянула живот. Сама не знаю зачем... открыла дверь в комнату.

Голубые стены. Окно во двор. Пустой стеллаж. Деревянный пол, на котором я так и не постелила ковёр.

— Здесь я хотела сделать детскую, — сказала я в стену. Потому что смотреть на него было слишком. — Но муж ушёл, и, в общем, вот.

Он подошёл к окну. Провёл пальцем по подоконнику — пыльно, я не убиралась тут с ухода мужа. Обернулся.

— Хорошая комната, — сказал он тихо. — Светлая.

— Вы не боитесь, что я маньячка? Доверяете незнакомке?

— Вы печёте печенье, — ответил он. — Маньяки не пекут печенье.

— Откуда вы знаете?

— Я читал детективы. Агата Кристи, всё такое.

Я рассмеялась. Наверное, впервые за месяц. Рассмеялась настоящим звонким смехом, от которого закололо в груди.

Он смотрел на меня и улыбался.

— Спасибо, — сказала я.

— За что?

— За то, что пришли. Починили кран. Не убежали, когда я начала рассказывать про мужа.

Я шагнула к нему. Сама не зная зачем. Может, чтобы дотронуться. Может, чтобы проверить настоящий ли он. Он не отодвинулся. Он стоял и смотрел, как я приближаюсь, как моя рука тянется к его свитеру, как пальцы касаются мягкой шерсти на рукаве.

Ткань была тёплой, мягкой. Хотелось по ней провести рукой.

— Максим, есть что-то, что вы должны мне сказать? Что-то, что я должна знать, прежде чем поселю Вас в своей бывшей детской?

Он посмотрел на мои пальцы, которые всё ещё лежали на его рукаве. Потом — в мои глаза.

— Я много врал в жизни, притворяясь не тем, кто я есть — сказал он. — Но вам Вам я постараюсь не врать.

— Это честно, — я убрала руку. — Начнём с этого.

— Начнём, — повторил он.

За окном всё ещё шёл дождь.

— Обед через час, — сказала я, отступая. — Я сделаю запеканку.

Я вышла из комнаты, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней лбом.

Сердце колотилось где-то в горле. В пальцах. Внизу живота.

Это было опасно.

Это было глупо.

Но я впервые за долгое время улыбалась и чувствовала себя живой.

ГЛАВА 2. Таинственный незнакомец

Максим

Дождь в этом городе идёт так, будто кто-то на небе забыл закрыть кран. Час назад я стоял под козырьком книжного магазина, смотрел на вывеску «Уютный шкаф» и думал, что это либо знак, либо самая ироничная шутка судьбы.

Моя куртка промокла насквозь за три минуты. Вода стекала за шиворот, пальцы замёрзли, и где-то глубоко в пояснице ныло старое ранение. Но я не уходил. Я смотрел в окно.

Внутри, за стеклом, горел тёплый жёлтый свет. На столиках стояли кружки, на полках — книги, в углу — фикус размером с небольшое дерево. Но меня интересовала она.

Она двигалась между стеллажами, поправляя корешки. На ней был простой серый свитер, чуть великоватый, и джинсы. Волосы светлые, с золотистым отливом — заплетены в две косички, которые лежали на плечах и подпрыгивали при каждом шаге. Мило. Непритязательно. По-домашнему.

Я провёл ладонью по свежевыбритому подбородку. Кожа ещё помнила холодное лезвие в аэропорту. Там, в зеркале туалета Кольцово, я сбрил не только бороду. Я сбрил Михаила Соболева и Лёху. Остался только Максим Кравцов — без прошлого, без документов с грифом «секретно», без пистолета под сиденьем. Чистый. Пустой. Готовый начать жизнь с нуля в городе, где никто не спросит, откуда у тебя шрам на рёбрах.

Вблизи это женщина была ещё лучше. Лицо нежное, с мелкими веснушками на переносице, которые прятались до тех пор, пока она не наклоняла голову к свету. Глаза — карие, тёплые, как растопленный шоколад. И в них ни намёка на страх. Только любопытство. И лёгкая усталость, которую она пыталась спрятать за улыбкой.

Кровать привезли во вторник. Дубовая, массивная, с высоким изголовьем — такая стоит в спальнях у людей, которые планируют жить долго и счастливо. Она заказала её сразу же, как я согласился остаться.

Матрас оказался идеально жёстким. Подушка пушистой и мягкой, я смял её в комок и подложил под шею. Белье пахло лавандой. Окно выходило на внутреннюю дворовую улицу, узкой змейкой петлявшую мимо двухэтажных домов. Дождь барабанил по жестяному козырьку ритмично, успокаивающе. Под фонарём мокли тополя.

Я не спал.

Не потому, что мешали звуки. А потому, что в голову лезло то, что я отключал годами. Одиночество. Страх. И она — эта женщина с косичками, которая спит в пяти метрах по коридору и понятия не имеет, что в её доме поселился человек, за голову которого назначена цена.

Я провёл ладонью по лицу, потер глаза. За стенами дома шумел город — далёкие гудки, шуршание шин по мокрому асфальту. А внутри — тишина. Такая, что слышно, как бьётся собственная кровь в висках.

И в этой тишине её образ не исчезал — наоборот, становился чётче, объёмнее, почти осязаемым.

Волосы. Я думал о её волосах. Когда она распускает косички, они падают на плечи тяжёлой русой волной, и на свету в них проступают золотистые пряди. Я хотел бы запустить в них пальцы. Узнать, какие они на ощупь — шёлковые или чуть жёсткие, как у людей, которые много времени проводят на ветру.

Шея. У неё длинная шея с тонкой голубой жилкой, которая начинает биться быстрее, когда она нервничает. Или когда я подхожу слишком близко. Я заметил это сегодня утром, когда встал рядом, чтобы налить себе кофе. Её пальцы задержались на секунду дольше, чем нужно, и пульс участился.

Это ненормально, что я контролирую такие штуки.

Я перевернулся на бок, поджал колени к животу — поза эмбриона, которую ненавидел, но ничего не мог с собой поделать. Новое тело. Новая жизнь. И старые привычки, которые лезут наружу, когда ты остаёшься один в темноте.

Внизу скрипнула половица. Она спустилась. Налила воду. Прошла в ванную. Я закрыл глаза и представил, как она раздевается перед сном. Снимает свитер — через голову, волосы рассыпаются, падают на голые плечи. Расстёгивает джинсы — медленно, потому что они узкие, потому что бёдра у неё шире, чем кажется в мешковатой одежде. Остаётся в белье. Простое, хлопковое, без кружев — я готов поспорить. Такая, как она, не носит кружева. Ей важнее удобство.

И в этом есть своя эротика — в том, что она не пытается нравиться. Не красит губы, не подводит глаза, не носит туфли на шпильках. Она просто есть. И от этого хочется её ещё сильнее.

Я накрыл голову подушкой, чтобы не слышать, как она ходит. Подушка пахла лавандой — теперь этот запах навсегда будет ассоциироваться с ней. С её домом. С её кухней, где по утрам пахнет корицей.

Чёрт.

Я сбросил подушку, уставился в потолок. Голубые стены, которые она выбрала для детской, которая так и не появилась. В этой комнате мог бы расти ребёнок. Бегать, падать, смеяться. А теперь здесь спит беглый оперативник с фальшивым паспортом.

Ирония. Горькая, как тот кофе, который она варит по утрам — крепкий, без сахара, как я люблю. Я сказал это однажды, и она запомнила. Как я пью кофе. Как молчу, когда злюсь. Как смотрю на дверь, когда входит покупатель. Она замечает всё, хотя делает вид, что не замечает ничего. И это опаснее, чем если бы она задавала вопросы вслух. Почему она ничего не спрашивает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.